

ГЕРОИ ВЧЕРАШНИХ ДНЕЙ

Давай придумаем сюжет, в котором нам придется место, в котором можно интересно прожить хотя бы пару лет...

Она жила в Ленинграде. Она — в Москве. Его песни ходили на кассетах по всей стране. Она была неприметной студенткой ГИТИСа. И все-таки им суждено было встретиться, чтобы не расставаясь до самой смерти...

Настя старалась не пропустить ни одного "квартирника" (так назывались концерты, которые давали подпольные рок-музыканты в квартирах надежных людей). Особенно нравился ей Гребенщиков. Однажды — это было в 1986 году — в руки Насте попала кассета с песнями Башлачева. "И почему я до сих пор не попала на его выступление?" — подумала она. — Если предоставится возможность, обязательно пойду".

— Ту ночь я решила провести у подруги Оли. Болтали до четырех утра. В начале пятого зазвонил телефон. "Оля, нам негде ночевать, можно мы перекантуемся у тебя?" — послышалось в телефонной трубке. "Конечно, приезжайте! — не задумываясь, выпалила подруга. — Настя, сейчас с такими ребятами познакомимся! Правда, им пешком придется добираться от Патриарших до ВДНХ, денег на такси нет..."

Через полтора часа на пороге квартиры появились двое — давний Олин знакомый и молодой юноша с длинными русыми волосами "Саша" — парень убрал с лица челку. — Башлачев Саша"

Вчетвером они встретили рассвет. Вечером следующего дня у Саши был концерт. Насте удалось вживую услышать башлачевские песни.

Через два дня он должен был уезжать в Ленинград. Настя до сих пор помнит все даты. 15 мая 1986 года она провожала его на перроне вокзала. "Вот тебе мой питерский адрес, — улыбаясь он. — Седьмого июня вернусь в Москву. Обязательно увидимся..."

— Уже тогда я понимала, что не доживу до июня. У меня с ним всегда было такое чувство, что он уйдет, например, за сигаретами и больше никогда не вернется...

Через неделю Настя сама поехала в Ленинград. Поезд прибыл на Московский вокзал в шесть утра. "В такую рань неудобно будить людей", — подумала она и уселась на лавочку около подъезда. В 10 утра, выкурив последнюю сигарету, поднялась на восьмой этаж и дрожащей от волнения рукой нажала дверной звонок.

— Кто ко мне приехал! Какая ты молодец!.. — заспанный Саша обнял Настю.

Через неделю они отметили день рождения. Общий. Тогда ему стукнуло 26 лет.

— Он родился 27 мая, я — 28-го. "Мы с тобой близнецы не только по гороскопу", — любил повторять Башлачев.

Они никогда не признавались друг другу в любви. Считали, что если один из любимых говорит: "Я тебя люблю" — значит, он сомневается в своих чувствах. Их совместная жизнь прошла на чужбине. Без денег, без крыши над головой, без прописки... Настя, коренная тулячка, оформила временную прописку. Саша фиктивно женился на Жене Каменецкой из Питера. Иногда друзья пускали переночевать к себе влюбленную пару. Если повезет, давали ключи на две-три недели. Им так хотелось иметь свой дом, детей... Они боялись размолок. Хотя у обоих это был сложный период в жизни. Настя никак не могла устроиться на работу. Башлачев все реже и реже давал концерты... Он совсем перестал писать стихи. Несколько строк в месяц не приносили ему удовлетворения. Последнюю песню он написал в родном Череповце — на день рождения местной девочки... У него участились приступы депрессии. "Что-то произошло, — недоумевал он. — Я потерял творческий дар".

Он спокойно вошел на эстраду и мгновенно был поражен гипнотическим опытным взглядом. Точно финским точеным ножом...

С этими строчками про водовоза Степана Грибоедова когда-то к Башлачеву пришла слава. После "Грибоедовского вальса" его прорвало. Всего за два месяца (!) в родном Череповце Башлачев написал все свои главные хиты. Интересно, что манера написания стихов была у него один в один, как у Мандельштама: сначала пропускал по одному слову в каждой строчке, придумывая и вставляя их в текст позже. "Как странно ты пишешь", — удивлялись друзья, просматривая его черновики. "А что? Разве можно писать как-то иначе?" — недоумевал он.

Никто тогда не мог предположить, что как раз этот успех станет началом конца. Шел 1984 год. Вскоре Саша купил билет на поезд Череповец—Ленинград. Он прощался со своим маленьким городом навсегда...

Башлачев отказался от карьеры в журналистике (работал в партийном отделе свердловской газеты "Коммунист"), от беззаботной жизни с родителями... И так все не вовремя! Режим вышел из состояния глухой обороны. Под "чистку" попадали безработные и... артисты.

Летом 1983 года начались массовые аресты рок-музыкантов. Первыми стали Арутюнов и Алексей Романов из "Воскресения", которому в тюрьме отбили ухо так, что он потерял на какое-то время слух. Запретили печатать Артемия Троицкого. Алексея Дидурова (руководителя "Литературного рок-кабаре") за организацию подпольных фестивалей выгнали со всех работ. Сергеев Рыженко (впоследствии он играл в "Машине времени") проломил голову, а Шевчуку сломали два ребра. В марте 1984 года "взяли" Жанну Агузарову. Летом следующего года множество людей были арестованы "за нетрудовые доходы". И в это неспокойное время Башлачев поет: "Плюю в лицо слуге по имени народ./Мне нравится БГ, а не наборот".

В 1984 году Башлачев устроился на работу в знаменитую котельную "Камчатка" во дворе 29-го дома по Зверинской улице. Боязнь загореть рабочим на заводе, где пришлось бы пахать от звонка до звонка, привела многих рок-музыкантов к начальнику "Камчатки" Анатолию Соколову. Именно в стенах "Камчатки" иностранцы поразились игре Башлачева на пустой "беломорине", как на губной гармошке. Именно там кто-то из приходящих придумал прозвище Саш Баш. "Работали мы тогда вчетвером: Цой, художник Олег Котельников, Башлачев "на подвесе" (т.е. подменял других. — Авт.), Начальник и я, — вспоминает Сергей Фирсов. — Куратором всей кохегарки был Башлачев".

Александр Башлачев. Сегодня это имя не услышишь в тусовке. А ведь когда-то его песни знал весь Советский Союз. На концертах Башлачева всегда был переаншлаг. Гребенщиков, Кинчев, Цой не сомневались, что провинциальный парень из маленького Череповца — гений.

Он умер в 28 лет. В этом году ему исполнилось бы 40... Это был странный человек. Пьянел от одного стакана вина. На день рождения другу мог подарить обыкновенное бревно. Все свои хиты написал всего за несколько месяцев — и на его песнях выросло целое поколение.

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

А еще он любил повторять: "Все будет, стоит только расхотеть"...

Саш Баш.

ПРЕДУМАНЫМ

Замуж Настя Рахлина так и не вышла.

СОШЕЛ

Личная жизнь лишнего человека

— В 1987 году мы встретились с Башлачевым на питерском рок-фестивале, — вспоминает Артемий Троицкий, — и я спросил: "Саш, есть что-нибудь новенькое?" — "Нет, что-то не пишется". А потом он стал рассказывать странные вещи... Говорил, что в конце 1986 года попал в "черную компанию", связанную с наркотиками. Причем там ставили своего рода эксперименты с наркотиками, дело доходило до суицида... А к смерти он был готов всегда. Последние два года он балансировал на тонкой грани... Он часто говорил о смерти — и почти все его последние песни были о смерти.

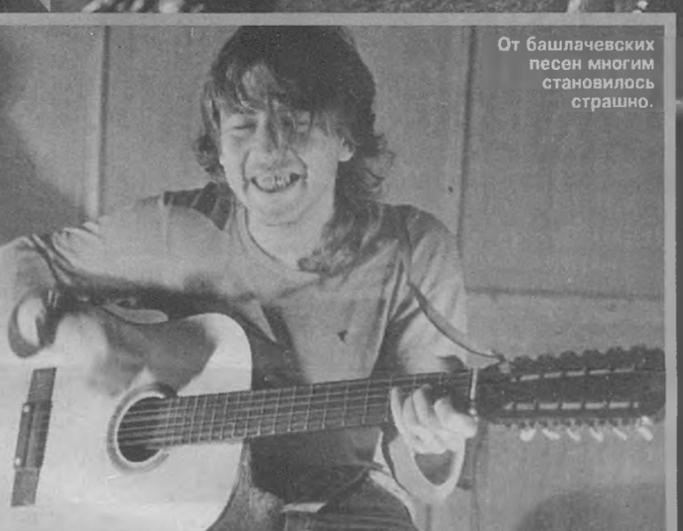
Когда мы вместе — нам не страшно умирать. Когда мы врозь — мне страшно жить.

В середине 1986 года Саша перебрался в Москву, поближе к Насте. Два года. проведенные вместе с ним, стали и самыми тяжелыми, и самыми прекрасными в ее жизни.

Башлачев никогда не делал ей подарков. Лишь однажды Джоанна Стингрей отдала ему индейские бусы с перламутровыми стижками. "На что они мне? А впрочем... Подарю Нюсеньке к какому-нибудь празднику!" Скопив денег. Настя сделала ответный подарок: купила серебряное колечко с зодиакальным символом Близнецов. Два года они носили его по очереди.

Гребенщикову на юбилей он преподнес... безрезное поле. "Денег совсем нет, — оправдывался Башлачев перед Настей, которая вынуждена была присоединиться к поздравлению. — А полю — это смешно".

— Между нами были необыкновенные отношения. С ним иначе не могло быть. Я готова была бросить ради него все... Когда я звонила

От башлачевских песен многим становилось страшно.

его друзьям и представлялась "той самой Настей, которая приходила с Сашей", все тут же переспрашивали: "Настя Башлачева?". Мне было очень приятно, что меня называли Башлачевой, хотя мы с ним так и не распались...

Как-то у Башлачева случился бурный роман с одной московской актрисой. Это была любовь с первого взгляда. По-другому Саш Баш влюбляться не умел. В начале 80-х она выступала в "Литературном кабаре" Алексея Дидурова. Мать девушки, заслуженная артистка советской эстрады, решила всеми силами оградить дочь от "тлетворного влияния подпольных псевдобардов". Подключила даже знакомых с Лубянки. Не помогло. Ни одна женщина не могла отказаться от Башлачева... Через несколько месяцев Саша ушел сам.

— Саша всегда был свободным сексуальным охотником, не склонным к брачным отношениям, — утверждает Алексей Дидуров. — Для него семья как тема не существовала ни в жизни, ни в творчестве.

Многие его знакомые были удивлены, узнав, что у Башлачева была гражданская жена, а позже появился и сын.

— Марьяна Цой все время смеялась надо мной: "Видела бы ты себя со стороны — ведь ты смотришь на него как кролик на уда!" И действительно, в начале наших отношений я боялась Сашку до умопомрачения...

Эх, на лей посошок да зашей мой мешок — На строку — по стержку, а на слова — по два шва.

В Москве Башлачев кормился исключительно квартирными концертами.

— Саша часто выступал у меня в "Кабаре". Иногда оставался ночевать. — рассказывает Алек-

сей Дидуров. — Когда совсем не было денег, мы ходили по окрестным подъездам, собирали бутылки. На вырученные деньги покупали еду. Тогда артистам часто вместо денег предоставляли ночлег, еду или девушек...

— Когда он только приехал из Череповца, ему было плохо, но он не терял надежды, — продолжает Дидуров. — Пожив в Питере, он стал другим человеком. Изменился внешне. Страшные мешки под глазами, нездоровая краснота щек... В творческом плане вырисовывалась грустная картина. В Питере установилось бетонное слезавшееся рок-сообщество, которое контролировалось КГБ. Чужакам там не было места. Тогда он простился с надеждой. За последний год я не знал человека, который видел бы его трезвым... Однажды мне удалось поставить в "Комсомолку" очерк о рок-музыке, и два абзаца были посвящены Сашу. На следующий день мы встретились, я отдал ему шесть экземпляров газеты. У него задрожали руки, а в глазах заблестели слезы...

▲▼▲

Имя Имен...

Сам Господь верит только в него.

В ноябре 1988 года Настя забеременела.

И Настя, и Саша были уверены, что у них будет мальчик. Сразу всплыли три имени из башлачевских песен: Ваня ("Ванюша"), Степан ("Грибоедовский вальс") и Егор ("Егоркина былина"). Выбор пал на последнее.

Егор родился через полгода после смерти отца...

— Передо мной стал вопрос, где рожать ребенка. Домой я ехать не хотела. Почему? Потому что я решила поехать в Череповец.

И она поехала рожать к его родителям. В

мрачный город заводских барачков, где по выходным трудно встретить хотя бы двух-трех трезвых прохожих.

Роды были сложные. Полгода Настя провела в Череповце с Сашиним отцом, рабочим Череповецкого завода, матерью, учительницей местной школы, и его младшей сестрой Леной.

Тогда ей рассказали историю, как получилось, что передний зуб у Саши был вставным, золотым.

Башлачев был настоящим читателем. В юном возрасте мама принесла ему подшивку журналов "Вокруг света". Он не мог оторваться от чтения, даже когда сильно захотел в туалет. Перетерпел. А когда дочитал подшивку и рванул из комнаты, подскользнулся. Ударился и сломал передний зуб. "Тяга к знаниям подвела", — шутил он.

Таким же вырос и его сын. В 11 лет любимым произведением Егора Башлачева стало "Время жить и время умирать" Ремарка.

Сейчас Егору — 12. Первый раз спросил об отце в шесть лет. Настя дала сыну послушать записи с песнями Саши. Егор прослушал и больше к этой теме не возвращался. "Для меня это история, которую я пережил, — объясняет Настя. — Ему — только предстоит пережить".

▲▼▲

И мне пора, мне пора уходить следом песни, которой ты веришь...

— Я не знаю, что бы со мной случилось, не будь я беременна. После гибели Саши я не могла впасть в депрессию: я должна была родить сына. Ощущение настоящего одиночества пришло, когда ребенок подрос. Был ноябрь, я ехала в такси, смотрела в окно — и вдруг мне стало страшно. Я почувствовала себя дико одинокой. В тот момент я стала верующим человеком...

Башлачева чувство одиночества настигло гораздо раньше. Одиночество, от которого не спасла ни любимая девушка, ни мама, ни друзья. Именно тогда он пытался ходить в церковь, все время носил с собой Евангелие (которое знал наизусть), в нагрудном кармане хранил старый потертый крест. Но вера к нему так и не пришла.

Как-то давняя подруга Башлачева Марина Тимашова сказала: "Саня, я тут слушала твою кассету — и мне стало страшно!" На что тот ответил: "Тебе стало страшно, когда ты услышала, а каково мне? У меня это все время в голове!"

— В последнее время Саша говорил только о смерти, а точнее, о способах самоубийства. Казалось, он выбирает, как ему эстетичнее уйти из жизни. Без крови и грязи. От таких разговоров у меня волосы вставали дыбом, — рассказывает поэтесса Ирина Ермакова.

Последние две недели Саша с Настей провели вместе. Они скитались по чужим квартирам.

— За две недели до смерти Башлачев с беременной Настей пришли ко мне в гости. Я тогда снимал квартиру на Беговой в двухэтажном домике, — говорит Троицкий. — Сашка дал мне понять, что ему вообще негде жить и было бы хорошо на какое-то время остановиться у меня. Я тогда не приютил его, а мило и весело сказал: "Давай, Саня, заходи как-нибудь" — и закрыл дверь. Мне до сих пор стыдно и страшно за эти слова. Это была главная ошибка в моей жизни! Я никогда себе этого не прощу! Ведь я мог продлить ему жизнь на неделю, две, месяц...

3 февраля Башлачеву надо было уезжать в Ленинград. Получить зарплату в кохегарке, где он по-прежнему числился "на подвесе", и решить накопившиеся проблемы.

Остановился он у фиктивной жены Жени Каменецкой в маленькой однокомнатной квартирке. Вечером 16 февраля здесь состоялась бурная вечеринка с огромным количеством вина. Саша в тот вечер не пил: утром они собирались с Женей и ее молодым человеком Шуриком пойти в баню.

Ночью он позвонил в Москву, Насте.

— Я тогда очень обрадовалась этому звонку. Щebetала без умолку. Саша молчал. За весь разговор он сказал только одну фразу, смысл которой я поняла много позже: "Нюсенька, береги дитя!" Так он со мной попрощался...

Саша положил трубку и завел будильник на 10 утра. Проснувшись, разбудил остальных он не смог.

— Ты что, с ума сошел: какая баня в такую рань?! — отмахнулся Шурик. — Голова еще трещит...

Сколько прошло времени, никто не знал. Просто в какой-то момент Женю Каменецкую как будто подбросило. Она выбежала на кухню. Окно было распахнуто настезь. Дату на настенном календаре — 17 февраля 1988 года — кто-то обвел черным фломастером.

Через несколько минут в дверь позвонили. "Не у вас из окна человек упал?" — осторожно осведомился мужчина с погонами.

Его смерть долго мусолили в околонузыкальных кругах. Одни приписывали ему шизофрению, другие — увлечение алкоголем, третьи — наркотики.

— Все это неправда. Сашка действительно несколько раз курил анашу, но никогда не покупал ее сам. А пьянел он от одного стакана вина...

▲▼▲

Мы встретились с известным журналистом Настей Рахлиной в уютном ресторанчике в центре Москвы.

— Сашкино решение уйти из жизни не было внезапным, — говорит она. — Мы не встраивались в быт. У нас не получалось... иметь квартиру и магазин под боком. Не получалось зарабатывать деньги. Он больше не мог жить на улице. Это был замкнутый круг, пробить который мы не сумели.

Замуж Настя так и не вышла.

— Те отношения, которые были с Сашкой, остались навсегда. Я перестала его любить как живого человека совсем недавно. И только потому, что поняла, как это невыносимо...

Ирина БОБРОВА, Санкт-Петербург—Москва.